

Джек
ВЭНС

ЛИОНЕСС
ТРИЛОГИЯ

САД ПРИНЦЕССЫ СУЛЬДРУН
ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА
МЭДУК

Москва

Джек
ВЭНС

ЛИОНЕСС
ТРИЛОГИЯ

САД ПРИНЦЕССЫ СУЛЬДРУН
ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА
МЭДУК

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
В97

Jack Vance

SULDRUN'S GARDEN

(Lyonesse, book 1)

Copyright © 1982, 2002 by Jack Vance

THE GREEN PEARL

(Lyonesse, book 2)

Copyright © 1986, 2002 by Jack Vance

MADOUC

(Lyonesse, book 3)

Copyright © 1991, 2002 by Jack Vance

Перевод *Александра Фета*

Вэнс, Джек.

В97 Лионесс : трилогия / Джек Вэнс : [перевод с английского А. Фета]. — Москва : Эксмо, 2025. — 1200 с. — (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-04-215921-3

Полное издание трилогии «Лионесс», легендарного фэнтезийного цикла от классика фантастики двадцатого века.

Еще до того, как Артур воцарился в Британии, на зеленых Старейших островах, населенных волшебниками и плутами, доблестными рыцарями и капризными эльфами, король Казмир и королева Соллас из Аквитании родили принцессу Сульдрун. Ей будет суждено стать прекрасной, но печальной и одинокой девой в жестоком и беспокойном мире. Судьба принцессы Сульдрун неразрывно связана с судьбой этого мира, в котором отразился кельтский фольклор, средневековые легенды, эпос и ирония.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Александр Фет, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215921-3

САД ПРИНЦЕССЫ
СУЛЬДРУН

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Старейшие острова и населяющие их народы: краткий обзор (не слишком документливое предисловие – хотя читатель, недолголюбивающий факты, может его и пропустить)

Старейшие острова, ныне погружившиеся в воды Атлантики, в старину находились к западу от Кантабрийского (Бискайского) залива, отделявшего их от Древней Галлии.

Христианские летописцы редко упоминают о Старейших островах. И Гильдас, и Нений ссылаются на Хайбрас, но Беде молчит. Гальфрид Монмутский намекает на существование Лионесса и Аваллона помимо других, не столь известных городов и событий. Кретъен де Труа восхваляет Исс и его отряды; кроме того, Исс нередко становится местом действия в ранних армориканских народных сказаниях. Ирландские источники многочисленны, но беспорядочны и противоречивы¹. Св. Брезабий Кардиффский предлагает нашему вниманию весьма замысловатое генеалогическое древо королей Лионесса. Св. Коломба яростно обрушивается на «еретиков, ведьм, идолопоклонников и друидов» острова, именуемого «Хай-Бразий» (так в Средневековье называли Хайбрас). Других свидетельств в летописях нет.

Греки и финикийцы торговали со Старейшими островами. Римляне посещали Хайбрас; многие из них селились там, оставив после себя акведуки, дороги, виллы и храмы. В дни упадка Империи в Аваллоне с помпой высадились христианские прелаты с эскортом в роскошных доспехах. Они основали епископства, назначили клерикальных должностных лиц и платили полновесным римским золотом за строительство базилик. Ни одна из церквей, впрочем, не преуспела. Епископы прибегали к крайним мерам в борьбе со старыми богами, нелюдьми и чародеями, но почти никто из них не осмеливался углубиться в Тантревальский лес. Кропила, кадила и анафемы оказывались тщетными перед лицом таких супостатов, как великан Данквин, Годри Тремудрая или эльфы и феи² Заболонной обители. Десятки подвижников,

¹ См. Глоссарий III.

² См. Глоссарий I.

вдохновенных верой, заплатили ужасную цену за свое рвение. Святой Эльрик взошел босиком на Смурийскую скалу, где намеревался подчинить себе огра Магра и обратить его в истинную веру. По сведениям сказателей, святой Эльрик прибыл в полдень, и Магр вежливо согласился выслушать его увещевания. Эльрик прочел впечатляющую проповедь; тем временем Магр развел огонь в яме. Эльрик толковал Священное Писание, обильно приводя цитаты, и воспевал хвалу преимуществам христианства. Когда он закончил, в последний раз провозгласив «Аллилуйя!», Магр поднес ему чарку эля, чтобы тот промочил горло. Наточив нож, огр положительно отозвался о риторическом даре миссионера. Затем одним взмахом Магр отсек Эльрику голову, нарезал миссионера на куски, нанизал куски на рашперы и поджарил на огне, после чего отменно закусил святыми мощами с гарниром из лука-порей и капусты. Святая Ульдина пыталась крестить тролля в водах Черной Мейры, небольшого горного озера. Она была неутомима; несмотря на все ее старания, тролль изнасиловал мученицу четыре раза, чем довел ее наконец до отчаяния. В свое время Ульдина родила четырех бесят. Старший, Игнальдус, стал отцом зловещего рыцаря, сэра Сакронтинна, не знавшего сна и покоя, пока он не убивал христианина. Других отпрысков святой Ульдины звали Драт, Аллейя и Базилья¹. В Годелии друиды не переставали поклоняться богу Солнца Лугу, богине Луны Матроне, Адонису Прекрасному, оленю Кернууну, кабану Мокусу, демону тьмы Каю, грации Ши и бесчисленным местным полубогам.

В те годы Олам Великий, владыка Лионесса, не без подспорья Персиллиана — так называемого Волшебного Зеркала — подчинил себе Старейшие острова (за исключением Скагана и Годелии). Величая себя Оламом Первым, он царствовал долго и благополучно; его преемниками стали Рордек Первый, Олам Второй и, кратковременно, «галисийские бастарды» Кварниц Первый и Ниффит Первый. Затем Фафхион Длинноносый восстановил престолонаследие по принципу первородства. Он породил Олама Третьего, переместившего великий трон Эвандиг и знаменитый стол Совета нотаблей², Карбра-ан-Медан, из города Лионесса в Аваллон, столицу герцогства Даот. Когда внук Олама Третьего, Утер Второй, бежал в Британию (где породил сэра Утера Пендрагона, отца Артура, короля Корнуолла), владения его предков разделились на десять королевств: Даот, Лионесс, Северную Ульфляндию, Южную Ульфляндию, Годелию, Блалок, Кадуз, Помпероль, Дассинет и Тройсинет.

Новые короли находили множество поводов для разногласий, и на Старейших островах наступили смутные времена. Северная и Южная

¹ Жития всех четырех нашли отражение в редкой монографии «Отродья святой Ульдины».

² Круглый стол короля Артура был вдохновлен впоследствии примером Карбра-ан-Медана.

Ульфляндии, подверженные нападениям ска¹, превратились в края разорения и беззакония, кишашие баронами-разбойниками и хищным зверьем. Только в долине Эвандера, защищенной с востока замком Тинцин-Фюраль, а с запада — городскими стенами Исса, сохранилось относительно спокойствие.

Король Даота Одри Первый решил наконец на судьбоносный шаг. Он заявил, что сидит на великом троне Эвандиге, по каковой причине его должны признавать королем всех Старейших островов.

Король Лионесса Фристан немедленно бросил ему вызов. Одри собрал многотысячное полчище и прошествовал в пределы Лионесса через Помпероль, по Икнильдскому пути. Король Фристан повел свою армию на север. В битве под Ормским холмом войска Даота и Лионесса сражались два дня и две ночи — и разошлись, истощенные и поредевшие; ни одна из сторон не могла претендовать на победу. И Фристан, и Одри сложили головы в этом побоище, после чего ополченцы решили разойтись по домам. Одри Второй не стал настаивать на признании притязаний своего отца — таким образом, в каком-то смысле победу так-таки одержал Фристан.

Прошло двадцать лет. Ска захватили существенную часть Северной Ульфляндии и укрепились в местности, известной под наименованием Северное Прибрежье. Дряхлый, полуслепой и беспомощный король Гакс бежал и скрывается. Ска даже не побеспокоились его искать. Король Южной Ульфляндии Орианте выбрал местом жительства замок Сфан-Сфег над городом Оэльдесом. Его единственный сын, принц Квильси, слабоумен и проводит дни в играх с фантастическими манекенами в городке из кукольных домов. Одри Второй правит в Даоте, а король Казмир — в Лионессе. Каждый из них намерен по праву занять великий трон Эвандиг и стать верховным правителем всех Старейших островов.

¹ См. Глоссарий II.

ГЛАВА 1

В пасмурный зимний день, когда струи дождя, подгоняемого шквальным ветром, с шумом поливали крыши Лионесса, у королевы Соллас начались схватки. Ее величество отнесли в родильный покой, где за ней ухаживали две повивальные бабки, четыре горничные, лекарь Бальямель и старая карга по имени Дильдра, слывшая лучшей знахаркой в округе, глубоко проникшей в тайны трав и зелий, — иные считали ее ведьмой. Дильдра присутствовала по воле королевы, находившей больше утешения в предрассудках, нежели в логике.

Явился король Казмир. Хныканье королевы переходило в стоны; она хваталась за свои густые русые волосы, судорожно сжимая их в кулаках. Казмир остановился у входа и наблюдал, не приближаясь. На нем была простая пунцовая мантия, перехваченная в поясе пурпурным кушаком; его рыжеватые светлые волосы стягивала легкая золотая диадема. Король обратился к Бальямелю:

- Каковы предзнаменования?
- Еще нельзя сказать ничего определенного, ваше величество.
- Разве нет способа предугадать пол ребенка?
- Насколько мне известно, нет.

Казмир загородил дверной проем, слегка расставив ноги и заложив руки за спину. Он казался олицетворением сурового царственного величия; именно такое впечатление он желал производить и производил всюду, где находился, — даже на кухне, где судомойки, прыская и хихикая, нередко обсуждали вопрос о том, снимает ли он корону, когда благоволит посетить супружеское ложе. Нахмурившись, Казмир рассматривал королеву:

- Судя по всему, она испытывает боль.
- Ей не так больно, сир, как могло бы показаться. Еще не так больно, в любом случае. Страх преувеличивает фактические ощущения.

Казмир никак не отозвался на это наблюдение. Заметив поодаль, в тених, знахарку Дильдру, сгорбившуюся над медной жаровней, он указал на нее пальцем:

- Что здесь делает ведьма?
- Ваше величество, — пробормотала главная повивальная бабка, — она явилась по настоянию королевы!

Король крякнул:

- Колдунья напустит порчу на ребенка.

Дильдра только пониже пригнулась над жаровней и разбросала по углям пригоршню трав. Струйка едкого дыма потянулась по комнате и коснулась лица Казмира; тот кашлянул, осторожно отступил на шаг и удалился.

Горничная задернула шторы, чтобы спрятать дождливый пейзаж за окном, и зажгла бронзовые светильники. Соллас напряженно вытянулась на кушетке, широко раздвинув ноги и откинув голову назад, — все присутствующие как завороченные глядели на ее величественную тушу.

Схватки становились резкими. Соллас завопила — сначала от боли, потом от ярости: с какой стати она вынуждена страдать, как вульгарная обывательница?

Через два часа ребенок родился — девочка, не слишком крупная. Соллас лежала на спине, закрыв глаза. Когда к ней поднесли дочь, она только отмахнулась и скоро забылась в тяжелой дреме.

Празднование, посвященное рождению принцессы Сульдрун, было подчеркнуто скромным. Король Казмир не приказывал оглашать ликующие прокламации, а королева Соллас отказывалась принимать кого-либо, кроме некоего «знатока кавказских мистерий» по имени Ювальдо Айдра. В конце концов, по-видимому только для того, чтобы не нарушать обычай, король Казмир приказал устроить торжественное шествие.

Зябким ветреным утром, когда белое солнце напрасно пыталось скрыться за высоко спешившими перистыми облаками, ворота замка Хайдион распахнулись. Из них выступили, величаво замирая после каждого шага, четыре герольда в белых атласных одеждах. На их фанфарах развевались белые шелковые хоругви, расшитые эмблемой Лионесса — черным Древом Жизни с дюжиной алых гранатов на ветвях¹. Герольды промаршировали сто шагов, остановились, подняли фанфары и протрубили «Клич радостной вести». С замкового двора на храпящих скакунах прогарцевали четверо благородных вельмож: Сайприс, герцог Скройский, Баннуа, герцог Трембланский, Одо, герцог Фолизский, и сэр Гарнель, владетель Баннерета из цитадели Суэйндрж, племянник короля. За ними выехала королевская карета, запряженная четырьмя белыми единорогами. Королева Соллас сидела в карете, закутанная в зеленые шали, с принцессой Сульдрун на малиновой подушке. Король Казмир сопровождал карету на огромном вороном коне. За экипажем строем шла элитная гвардия, состоявшая исключительно из ветеранов благородных кровей — каждый нес серебряную алебарду. Шествие замыкал фургон, откуда пара фрейлин бросали в толпу пригоршни медных грошей.

¹ Геральдические традиции, а также теория и практика рыцарства в те времена еще не утратили простоту и новизну. Пройдут века, прежде чем пышно расцветет их причудливая экстравагантность.

Процессия спустилась по Сфер-Аркту, центральному проспекту столицы, к Шалю — торговой набережной, окаймлявшей полукруглую гавань. Объехав рыбный рынок, кортеж вернулся по Сфер-Аркту к Хайдиону. За воротами замка расставили палатки; всем проголодавшимся предлагались маринованная рыба и сухари из королевских запасов, а любому, кто выражал желание выпить за здоровье новорожденной принцессы, наливали кружку эля.

На протяжении всей зимы и последовавшей весны Казмир лишь дважды взглянул на свою дочь, да и то безо всякого интереса, каждый раз отступив на пару шагов. Уже в младенчестве Сульдрун умудрилась воспротивиться королевской воле, появившись на свет девочкой. Казмир не мог сразу наказать ее за этот проступок, но и распространять на нее все преимущества своего благоволения, разумеется, тоже не намеревался. Обиженная недовольством супруга, королева Соллас погрузилась в угрюмое раздражение и, устроив несколько капризных сцен, заявила, что ребенок ей мешает и что она больше не хочет его видеть.

Между тем новорожденный сын крепко сложенной крестьянки Эйирме, приходившейся племянницей помощнику садовника, пожелтел, распух и умер от какой-то неизлечимой болезни. Будучи обильным источником молока и заботливости, Эйирме стала кормилицей принцессы.

В почти незапамятные времена, от коих остались одни названия и легенды, лишь смутно свидетельствующие об исторических событиях, пират Блаусреддин построил крепость на скалистом берегу в глубине полукруглого залива. Судя по планировке укреплений, его беспокоили не столько нападения с моря, сколько внезапные вылазки местных горцев, спускавшихся к заливу по расщелинам в крутых склонах зазубренных северных хребтов.

Сто лет спустя данайский царь Таббро превратил залив в гавань, окружив его достопримечательным волноломом; он же добавил к крепости Древний зал, новые кухни и пристройку с несколькими спальнями. Его сын, Зольтра Лучезарный, соорудил массивный каменный причал и углубил гавань драгой, чтобы в залив могли заходить корабли со всех концов света¹.

Кроме того, Зольтра расширил старую крепость, приказав построить Большой зал и Западную башню, хотя сам он не дождался завершения этих работ, продолжавшихся при Палемоне Первом, Эдвариусе Первом и Палемоне Втором.

Над Хайдионом, замком короля Казмира, возвышались пять главных башен: Восточная, Королевская, Высокая (известная также под наименованием Орлиное Гнездо), Башня Палемона и Западная башня. В замке находились пять крупнейших церемониальных помещений:

¹ Если верить легенде, в своих начинаниях и король Таббро, и Зольтра Лучезарный пользовались помощью подводного великана Джоальда, посулив ему некое неизвестное вознаграждение.

Большой зал, Почетный зал, Древний зал, Клод-ан-Дах-Нар (то есть Пиршественный зал) и Малая трапезная. Большой зал отличался особым тяжеловесным величием, на первый взгляд превосходившим человеческие потребности. В совокупности его пропорции, пространства и массы, контрасты теней и света, менявшиеся с рассвета до заката — а также, в меньшей степени, движущиеся тени, порожденные пламенем факелов, — поражали воображение, внушая трепет. О входах увлекшийся архитектор вспомнил, очевидно, уже после того, как строительство шло полным ходом; так или иначе, никому не удавалось войти в Большой зал, производя эффект, сравнимый с воздействием Большого зала на самого входящего. Вступив под арку главного входа, посетитель оказывался на узком возвышении, откуда в зал спускались шесть широких ступеней — между колоннами столь массивными, что их не могли обхватить два человека. С одной стороны тянулся ряд высоких окон, толстые стекла которых приобрели со временем лавандовый оттенок; окна озаряли зал водянистым полусветом. По ночам факелы в чугунных консолях излучали, казалось, больше черных теней, чем сполохов пламени. Дюжина мавританских ковров смягчала жесткость каменного пола.

Пара чугунных дверей открывалась в Почетный зал, размерами и пропорциями напоминавший соборный неф. Посередине, от входа до королевского трона на другом конце, тянулась толстая темно-красная ковровая дорожка. Вдоль стен выстроились пятьдесят четыре массивных кресла, каждое под эмблемой того или иного аристократического рода. В этих креслах, когда того требовал церемониальный протокол, сидели вельможи Лионесса, осененные гербами предков. Королевским трон — пока Олам Третий не перевез его в Аваллон — служил великий Эвандиг, а центр зала занимал Круглый стол, Карбра-ан-Медан, за которым места отводились только представителям самой высокородной знати.

Почетный зал пристроил король Карлес, последний из рода Метьюэнов. Хловод Рыжий, основатель Тирренской династии¹, расширил обнесенную стеной территорию Хайдиона на восток от Стены Зольтры. Он же вымостил Урквиал, древний строевой плац Зольтры, а с противоположной замку стороны плаца возвел громоздкий Пеньядор, где находились лазарет, бараки и казематы. Темницы под старым арсеналом тем временем прозябали в запустении — их обветшавшие клетки, дыбы, решетки-жаровни и пыточные колеса, цепи на крюках, тиски, дыроколы и крутильные машины ржавели в затхлой сырости подземелья.

По мере того как владыки сменяли друг друга на престоле Лионесса, каждый из них приумножал число залов, коридоров, проходов и переходов, галерей, башен и башенок королевского замка — словно, поразмыслив о своей смертности, стремился стать неотъемлемой частью вечного Хайдиона.

¹ Дед Хловода был этрусском с Балеарских островов.

Для тех, кто проводил жизнь в его стенах, Хайдион становился маленькой вселенной, безучастной к событиям внешнего мира, хотя отделявшую его пелену нельзя назвать непроницаемой. Извне то и дело доносились слухи. Кроме того, обитателям Хайдиона приходилось готовиться к смене времен года, обслуживать гостей, сопровождать загородные поездки и даже — изредка — привыкать к новшествам или поднимать тревогу. Но все это были приглушенные отзвуки, тусклые видения, едва возмущавшие устоявшийся распорядок дворцового бытия. В небе появилась огненная комета? Чудеса, да и только! Но о знамении тут же забывали, стоило Шилку, уборщику ночных горшков, пнуть кошку поваренка. Ска не оставили камня на камне в Северной Ульфляндии? Ска подобны дикому зверью! Сегодня утром, однако, откушав овсяной каши со сливками, герцогиня Скройская обнаружила в кувшине из-под сливок дохлую мышь. Неслыханная катастрофа! Вот где разгорелись настоящие страсти! Как она орала, швыряясь туфлями в горничных!

Маленькая вселенная неукоснительно подчинялась своим особым законам. Статус градуировался согласно мельчайшим делениям иерархической шкалы, от недостижимо высокого до презреннейшего из неприкасаемых. Каждый точно взвешивал свое достоинство, сознавая деликатную разницу между своим положением, полномочиями чуть более высокопоставленной персоны (каковые по возможности игнорировались) и обязанностями чуть менее влиятельного лица (необходимость строгого соблюдения каковых подчеркивалась в каждом удобном случае). Некоторые претендовали на привилегии не по чину, тем самым создавая напряжение; по всему замку, как зловоние, распространялась атмосфера мстительной злопамятности. Каждый бдительно следил за поведением более удачливых интриганов, в то же время тщательно скрывая от подчиненных свои собственные делишки. За царственными особами наблюдали непрерывно, их привычки обсуждались и анализировались ежечасно. Королева Соллас относилась с теплотой и радушием только к ревнителям веры и жрецам, проявляя живой интерес к их исповеданиям. Ее считали равнодушной к плотским утехам — у нее не было любовников. Король Казмир регулярно наносил ей супружеские визиты в спальне, где они совокуплялись с величавой тяжеловесностью, как пара слонов.

Принцесса Сульдрун занимала необычное место в социальной структуре дворца. Окружающие не преминули заметить безразличие к ней короля и королевы, заключив, что принцессе можно было безнаказанно устраивать мелкие неприятности.

Шли годы — незаметно для всех Сульдрун превратилась в молчаливую девочку с длинными, мягкими белокурыми локонами. Так как никому не пришло в голову распорядиться по-другому, кормилица Эйирме невольно совершила прыжок вверх по иерархической лестнице, превратившись в гувернантку принцессы.

Эйирме, не обученная этикету и не блиставшая талантами в других отношениях, переняла от своего деда многочисленные кельтские